

Е. В. Бодрова, В. В. Калинов

Проекты мобилизации нефтяных ресурсов на нужды форсированной индустриализации

Бодрова

Елена Владимировна

д-р ист. наук, проф.,
МИРЭА — Российский
технологический
университет (Москва,
Россия)

Калинов

Вячеслав Викторович

д-р ист. наук,
доц., Российский
государственный
университет нефти
и газа (национальный
исследовательский
университет)
им. И. М. Губкина
(Москва, Россия)

Модернизация нефтегазового комплекса современной России должна стать одной из важнейших составляющих стратегических планов, нацеленных на обеспечение технологического рывка. Поиск наиболее эффективных механизмов реализации этих планов чрезвычайно актуализирует изучение исторического опыта осуществления общенациональных проектов, к числу которых, без всякого сомнения, относится форсированная индустриализация 1930-х гг., включая одну из важнейших ее составляющих — подъем и реконструкцию нефтяной отрасли промышленности. Впрочем, часть исследователей полагает значительные инвестирования в техническое перевооружение нефтяной отрасли правомерными лишь для начала XX в., но в веке XXI, по их мнению, приоритеты должны измениться¹. Другие авторы называют крупнейшим просчетом современных реформаторов нежелание рассматривать в качестве приоритета модернизацию нефтегазового комплекса страны. Отсутствие инноваций, прогнозируют эксперты, обусловит падение добычи нефти уже в 2025 г.²

Изучение ряда научных публикаций, в которых затрагивались отдельные аспекты интересующей нас проблемы³, и ранее неопубликованных документов позволяет более точно и достоверно определить значение нефтяной отрасли для индустриализации, формы и методы партийно-государственного управления промышленностью с целью обеспечения планов первых пятилеток. Ранее нами рассматривались вопросы становления отраслевой науки и специальной системы подготовки кадров для отрасли, ставших мощным фундаментом для становления

нефтегазового комплекса страны⁴, однако проблема выполнения нефтяной промышленностью первых пятилетних планов нуждается в более глубоком и всестороннем исследовании.

Напомним в этой связи, что контрольные цифры плана развития промышленности на 1928/29–1932/33 гг., официально утвержденные в 1929 г., ориентировали на достижение в 1932 г. показателей по нефтедобыче в 21,7 млн т⁵. Однако уже через три месяца отрасль обязывалась довести добычу к концу пятилетки до 26 млн т⁶.

Реорганизации в системе управления нефтяной промышленностью должны были обеспечить реализацию этих планов. Документы демонстрируют наличие разных вариантов подобной перестройки. Так, руководством «Грознефти» в сентябре 1929 г. предлагалось усилить хозрасчет за счет повышения самостоятельности каждого «хозяйствующего звена», обретение большей независимости планировалось осуществить ускорением темпов технической реконструкции⁷. Но одновременно требовались, с точки зрения нефтяников, объединение и централизация управления в рамках региона, что было необходимо из-за разнообразия технических процессов, наличия и добывающей, и перерабатывающей составляющих. Согласно оценкам экспертов «Грознефти», нуждался в существенной перестройке и центральный аппарат в составе Главгортопа, который отличался медлительностью, слабой связью с производством, «гипертрофией плановой работы», недостаточным знанием реального положения дел в отрасли, отсутствием технического руководства и геологической службы⁸. Предлагалось создать новое объединение — «Союзнефть», включающее все предприятия нефтяной промышленности, которое бы отвечало за плановую и контрольную работу, управление капиталами и товарным регулированием, руководство геологическими работами и научно-исследовательской деятельностью. Отмечалась необходимость создания Научно-технического совета (НТС) и при нем издательства, где публиковалась бы вся специальная литература⁹. Объединение «Союзнефть» было создано, но существовало очень недолго.

9 октября 1929 г. Г. К. Орджоникидзе представил в Народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции СССР (НК РКИ) «Резюмированное изложение докладной записки Правления «Азнефти» о неотложных нуждах Азербайджанской нефтяной промышленности на 1929/30 год», в котором констатировалось, что в 1928/29 г. в регионе было добыто нефти и газа 8633 тыс. т. То есть задание было перевыполнено на 2%. Основное задание по переработке бакинскими заводами было выполнено на 103%, а повышенное в середине года — на 98% (6404 тыс. т), причем сдача всех главных продуктов, за исключением бензина, была произведена с превышением. Недовыработка бензина объяснялась уменьшением потенциального содержания бензиновых фракций в сураханской нефти¹⁰ и невступлением в намеченные сроки в эксплуатацию новых перегонных установок. Между тем благополучное в целом выполнение производственных программ, как отмечалось в изложенной докладной записке, сопровождалось «недостаточным и совершенно непланомерным финансированием»¹¹. Так, по плану, полученному только в июле, годовое финансирование было предусмотрено в 55 млн руб., вместо 57 млн руб. по предыдущему плану.

В IV квартале оно сократилось на 4,2 млн руб. Кроме того, оказалось недополучено «Азнефтью» от Нефтесиндиката за сданную продукцию, вопреки условиям договора с Госбанком, 6–7 млн руб. ввиду сокращения кредита Госбанка по этому договору. Таким образом, трест недополучил даже относительно «много раз сокращенного плана» около 9–10 млн руб. В результате Правление вынуждено было из создавшегося положения выходить «с большим трудом, прибегнув к отсрочке некоторых обязательств, снижению кассы и сокращению финансирования своих предприятий»¹².

Серьезные опасения у руководителей «Азнефти» вызывали и плановые задания на 1929/30 хозяйственный год. Расхождения между имеющимися возможностями и сверстанными в центре планами были весьма значительными: 9968 тыс. т против требований Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) в 10 090 тыс. т. В качестве «крайне напряженной» характеризовалась и возможность выполнения программы переработки в 7760 тыс. т против предложенной ВСНХ в 8180 тыс. т. Трудности с выполнением планируемых заданий Правлением «Азнефти» объяснялись следующими обстоятельствами:

- крайним недостатком оборудования, что без надлежащего пополнения неизбежно должно было привести к невыполнению объемных заданий плана;
- сокращением рационализаторских и реконструктивных мероприятий, которые давали значительный эффект с 1924 по 1925 г.;
- «стабилизацией буровой техники», а в некоторых случаях даже ее ухудшением;
- недостаточным количеством компрессоров для выкачивания нефти из высокопроизводительных скважин; компрессорных труб, насосов для перекачки нефти; моторов для разведочного бурения; подвижных подъемников для насосных станций; бурильных станков, бурильных труб, промывочных насосов и т. д.¹³

Авторы резюмировали, что все перечисленное «не только невероятным образом усложняет и затрудняет работу, но еще и снижает темпы и удорожает производство»¹⁴. Сходные проблемы наблюдались и в нефтепереработке: нефтеперегонные заводы работали с перегрузкой всей (как старой, так и новой) аппаратуры. Чтобы удовлетворить спрос на нефтепродукты, необходимо было вести строительство новых заводов и цехов, производить реконструкцию старых. Однако это в высшей степени затруднялось условиями, согласно оценке Правления, «крайней спешки, отсутствия технических кадров и квалифицированных рабочих, а также недостатка материалов»¹⁵. Наконец, самая важная отрасль работы «Азнефти», которая должна была обеспечить ее будущее развитие, — разведка новых нефтяных районов — требовала и количественно, и качественно огромных средств материальных и людских кадров. «Повелительная необходимость вести разведку действительно американскими темпами, — заключали авторы записки, — вытекает из того обстоятельства, что в настоящее время, несмотря на значительные усилия, мы не получили еще среди новых ни одного богатого месторождения, которое способно было бы хоть в какой-то мере заменить убывающие старые площади»¹⁶. Сложившееся

положение они объясняли прежде всего недостаточным финансированием в течение 2–3 лет. Между тем более ранний период оценивался экспертами как весьма продуктивный, благодаря вложениям, «сравнительно обильному импорту», внутренним ресурсам, но все перечисленные факторы на рубеже 1920–1930-х гг. оказались исчерпанными.

«В настоящий момент “Азнефть», — предупреждало ее руководство, — находится в состоянии, которое неизбежно приведет к невыполнению как в области объемных, так и качественных показателей производства не только текущего операционного года, но и последующих лет, если своевременно не влить в нее новых средств»¹⁷. Размер этих средств на 1929/30 г. по капитальным затратам определялся нефтяниками минимально в 140 млн руб. И далее они категорически заявляли, что механическое снижение этой цифры (уже согласованной с ВСНХ в августе) до 133 млн руб., как это было сделано в последующих вариантах финансового плана, «абсолютно неприемлемо и ничем не обосновано»¹⁸. При размере капитальных затрат в 140 млн руб. необходимое финансирование от государства на 1929/30 г. должно было составлять 65 млн руб., причем средства эти должны были бы поступать равномерными частями по кварталам и месяцам года. Расхождение согласованного плана с проектом ВСНХ достигало 24,5 млн руб., так как ВСНХ предложил ограничить финансирование лишь 41 млн руб. Члены Правления «Азнефти» (в документе пять подписей) настаивали на том, что при всех обстоятельствах последний размер финансирования в 62 млн руб. следует сохранить¹⁹.

Не меньший интерес представляет, на наш взгляд, и Приложение к указанной записке, в котором содержались не только перечень требуемых затрат на промысловое и буровое оборудование, но и оценки сложившегося положения: «К сожалению, мы далеки от того, чтобы могли поставить себя в этом отношении в американские условия, — для этого потребовалось бы несколько десятков миллионов рублей, но хотя бы голодной нормой “Азнефть” должна быть обеспечена». Требовалось и «приобретение новых станков со всеми принадлежностями к ним, и пополнение убыли старого оборудования и инструментов»²⁰. Отличия в позиции руководства «Азнефти» и «Грознефти» очевидны, так же как и разница в подходах центра и регионов. Требование увеличить финансирование не устраивало власти. Недостатки в управлении трестами казались более предпочтительным объяснением невыполнения планов.

Но центральная власть не могла не учитывать и тот факт, что нефтяная отрасль была одним из важнейших источников индустриализации. С началом форсирования ее темпов увеличивались и объемы нефтеэкспорта, резко сокращались траты валюты на импорт оборудования. Однако рост экспорта не мог быть обеспечен без серьезных капитальных вложений, технической реконструкции отрасли. Мировой рынок требовал улучшения качества нефтепродуктов, изменения их ассортимента, оптимальной транспортировки. Поэтому ускоренными темпами строились нефтепроводы, нефтеперерабатывающие заводы.

В докладе Б. Г. Цуккермана²¹, прочитанном 28 мая 1929 г. на заседании научной сессии Научно-технического совета нефтяной промышленности, подчеркивалось, что в советском общепромышленном экспорте нефти принад-

лежит одно из первых мест, она «заняла совершенно прочное положение на главнейших европейских рынках»²². Даже в весьма тревожном с точки зрения внешнеполитической обстановки 1927/28 г. наблюдалось укрепление позиции советского нефтеэкспорта на английском рынке²³. Его доля к 1928 г. на мировом рынке составила 5,2%²⁴.

Докладчик вспоминал в связи с этим и о предыдущем, весьма сложном периоде, когда в течение первых лет возобновления экспорта нефти Нефтесиндикату приходилось преодолевать «особенные» затруднения. Так, конкуренты пытались убедить покупателей в том, что со времени национализации качество нефтепродуктов перестало удовлетворять основным требованиям потребителя, что с коммерческими организациями Советского Союза нежелательно заключать какие бы то ни было соглашения, так как они не будут выполняться, а в советские порты невозможно направлять пароходы, так как это стало небезопасным. Но первые же покупатели убедились в том, что качество нефтепродуктов после национализации нисколько не уступало прежнему; соглашения, которые заключал Нефтесиндикат как торговая организация нефтяной промышленности на европейских рынках, выполнялись точно и добросовестно. Пароходы прибывали в советские порты так же, как и во все другие, получали товар и отплывали беспрепятственно. Очень скоро система продаж единичных грузов совершенно случайным покупателям была изменена в связи с установлением прочных связей с крупными, независимыми национальными фирмами, государственными и полугосударственными организациями. Заключались соглашения с теми организациями и филиалами мировых трестов, которые отказывались от следования рекомендациям «большой политики». Наконец, Нефтесиндикат приступил к созданию собственного распределительного аппарата на основных европейских рынках.

Таким образом, сама практика развития советского нефтеэкспорта во второй половине 1920-х гг. обусловила появление тех каналов, по которым нефть шла на мировые рынки. К концу первой пятилетки они совершенно четко и ясно определились. В этой связи представляет интерес характеристика основных из них, данная Б. Г. Цуккерманом в «разрезе грядущего пятилетия». В этот период на мировом нефтяном рынке действовало три организации: «Стандард», «Шелл» и «Англо-персидская компания», которые стремились занять монопольное господствующее положение почти на всех потребительских рынках. В начале 1920-х гг. «Стандард» и «Шелл» выступали покупателями большой партии советской нефти, чтобы она не попала в руки конкурентов и не мешала бы их монопольному положению. Нефтесиндикат шел на такие продажи, так как немедленная реализация товара и получение валюты являлись первенствующей задачей для страны до 1925 г. Поэтому в эти годы никаких столкновений между Советской Россией и организациями мировых трестов не происходило. У этих корпораций появилась надежда на то, что национальная нефтяная промышленность едва ли сумеет покрыть потребности внутреннего рынка, выход ее на мировой рынок рассматривался как случайное явление. Однако из года в год советский экспорт бурно рос, составляя им конкуренцию, поэтому был актуализирован вопрос об урегулировании положения советской нефти на мировом

рынке. В частности, корпорации потребовали, чтобы Нефтесиндикат отказался от конкуренции с ними на каком бы то ни было рынке и выполнял только те договоры, которые уже к тому времени действовали, а по истечении их срока предоставил бы им преимущественное право на их возобновление. Наконец, СССР при продаже нефтепродуктов должен был предоставлять скидку бывшим собственникам национализированных нефтепредприятий²⁵.

Так как Нефтесиндикат на эти условия не согласился, «Шелл» и «Стандарт» отказались от покупки советской нефти впредь до определенного соглашения²⁶.

В докладе Б. Г. Цуккермана были обозначены следующие факторы, которые могли оказать влияние на советский экспорт:

- перепроизводство нефти на мировом рынке тормозило дальнейшее быстрое развитие Мосульского нефтеносного района (Ирак), способного выступить мощным конкурентом;
- гидрогенизация углей²⁷ приобрела в то время реальное промышленное значение. В 1928 г. в Германии планировалось поставить 100 тыс. пуд. искусственного бензина на рынок; впрочем, было выпущено только 40 тыс. пуд., а к началу 1929 г. — не больше 6 т в месяц. Причем речь шла о гидрогенизации уже не бурых углей, а буроугольной смолы. В этом отношении опасения у руководителей отрасли относительно сбыта на мировых рынках натурального бензина в 1927/28 г. вследствие получения суррогатов отодвинулись на второй план.

В качестве третьего благоприятного фактора был определен вероятный рост потребления бензина на европейском и второстепенных рынках из-за мощного строительства автозаводов. Поэтому эксперт предлагал переориентироваться с развития экспорта индустриальных масел на экспорт автомобильных масел. К тому же качество отечественных масел, поставляемых на экспорт в тот период, в отличие от других нефтепродуктов, было высоко. Отметим, что в 1928 г., как и в прежние годы, экспортировались три вида масел: машинное, веретенное и цилиндрическое²⁸.

Определив в качестве основных задач значительное увеличение экспорта бензина и автомобильных масел (к концу пятилетки планировалось экспортировать около 3 млн т бензина против 1 млн т бензина к ее началу), Б. Г. Цуккерман предложил особое внимание сосредоточить на отечественном производстве бензина, качество которого требовало серьезных изменений. Главным условием успеха им была определена ставка на экспорт именно легкого бензина²⁹. Кроме того, сложная обстановка на рынках требовала включить в план освоения целый ряд небольших рынков, которые в первое время советского экспорта оставались вне внимания отечественных специалистов: Южная Франция, Южная Америка, Китай.

В целом перспективы развития нефтеэкспорта на ближайшую пятилетку виделись экспертами следующим образом:

- общая нефтяная конъюнктура, несмотря на перепроизводство, обеспечивала появление целого ряда факторов, благоприятствующих дальнейшему развитию отечественного экспорта;

- намеченный план развития его роста на ближайшее пятилетие имел под собой совершенно реальную базу в виде тех позиций, которые удалось занять на европейском рынке к началу пятилетия.

Однако требовалось немедленно обеспечить увеличение экспорта бензина. «1929–30-е и 1930–31-е годы являются решающими, — убеждал Б. Г. Цуккерман. — Если мы здесь не сумеем нагнать то, что раньше в своем темпе потеряли, тогда наш бензиновый экспорт в 3 млн тонн к концу пятилетия потеряет реальную базу. И тут же, я повторяю, что вне крекинговой системы³⁰ в настоящее время нет разрешения для нашего бензинового дела»³¹.

Требовалось еще более повысить качество экспортируемых масел, а главное — расширить их ассортимент. «Масляный экспорт находится под угрозой», — предупреждал эксперт³². И заключал, что все позиции нефтяного рынка будут прочными у СССР лишь в том случае, если будет развиваться собственная сеть, занимающаяся вопросами экспорта³³.

Однако многие прогнозы специалистов не сбылись: цены на нефть из-за начавшейся в 1929 г. Великой депрессии резко упали. Но валюта СССР была необходима. 20 июня 1930 г. Политбюро ЦК партии приняло решение о необходимости выполнить валютный план, «усиливая» экспорт нефти, зерновых, леса и пр., одновременно резко сокращая импортный план³⁴. Персонально ответственным за выполнение плана по экспорту нефти назначался Г. И. Ломов³⁵. На полученные доходы, часто в кредит, заказывалось оборудование, в том числе, как свидетельствуют протоколы Политбюро, и для нефтяной отрасли. Причем оговаривалось, что речь должна идти не только о его закупках, но и о монтаже, наладке, пуске, передаче технологического процесса³⁶.

О весьма непростой ситуации для советских трестов, сложившейся на мировом энергетическом рынке в этот период, свидетельствует письмо к Г. К. Орджоникидзе, отправленное из Парижа 24 марта 1930 г. С. Н. Батулиным, являвшимся до июля 1930 г. уполномоченным Нефтесиндиката, «Союзнефти» во Франции, Бельгии и Испании, а также директором-распорядителем Общества русских нефтепродуктов в Париже и заместителем председателя смешанного франко-советского общества «Петронафт». Автор письма сообщал, что получил телеграмму, подписанную А. И. Микояном и Г. И. Ломовым, которые, поручив ему ведение переговоров с французами и испанцами, одновременно «предложили не нервничать и исполнять возложенные... задачи. Само собою разумеется, — писал он, — мне ничего не осталось делать, как только добросовестным образом продолжить работать и стремиться возложенные на меня задачи выполнять с максимальной пользой для интересов нашего социалистического государства»³⁷. Одновременно с письмом С. Н. Батулин посылал доклад о положении дел в Испании и выражал надежду на успешное заключение договора с Испанской нефтяной монополией. Однако предупреждал, что контракт мог быть заключен лишь на трехлетний, а не пятилетний срок. Главным условием успеха он называл выдержку и умение маневрировать. Во Франции также намечался, по его словам, «перелом к лучшему»: от французов был получен проект предложений, который открывал возможность для обсуждения и оформления

соглашения о торговле, крупной коммерческой структуры для торговли советскими нефтепродуктами через существующее смешанное общество³⁸.

Впрочем, 15 апреля 1930 г. С. Н. Бутулин вынужден был сообщить о вновь ухудшающейся ситуации: о судебных процессах против СССР во Франции, связанных с претензиями одного из французских банков к Нефтесиндикату, а также с фальшивыми векселями С. М. Литвинова, бывшего помощником заведующего Московской конторой берлинского торгпредства и являвшегося по совместительству членом правления компании «РАСО»³⁹. Финансовые претензии предъявлялись и к Доброфлоту. В результате судебные учреждения налагали арест на финансы и имущество советских хозяйственных органов во Франции «по совсем сомнительным и просто жульническим претензиям... — писал автор. — Парижская адвокатура фактически нас бойкотирует. Никто из первоклассных адвокатов не соглашается вести наших дел (ни уголовных, ни гражданских). Правые не брали наших дел и раньше. Левые объявили нам также бойкот после парламентских выборов 1928 г.»⁴⁰.

Тем не менее поиск столь необходимых рынков для сбыта нефтепродукции продолжался. Так, 23 ноября 1930 г. в Управлении делами Совета народных комиссаров и Совета труда и обороны (СНК и СТО) СССР в секретном порядке обсуждался вопрос об организации смешанного общества по сбыту нефтепродуктов в Южной Африке. Было решено разрешить Народному комиссариату внешней и внутренней торговли (НКТоргу) СССР и «Союзнефти» парафировать соглашение с некой госпожой Купер об организации смешанного акционерного общества по распространению отечественных нефтепродуктов на южноафриканском рынке. При заключении соглашения рекомендовалось постараться добиться преобладания акций в руках советского государства (51 %), «не делая, однако, этого пункта ультимативным»⁴¹.

Согласно данным, опубликованным А. А. Иголкиным, нефтеэкспорт в этот период достиг максимальных размеров. В 1932 г. он составил 5,6 млн т нефтепродуктов и 0,5 млн т сырой нефти. Но затем снижался до 474 тыс. т (в 1939 г.), при этом он состоял лишь из нефтепродуктов. Сырой нефти тогда было вывезено лишь 244 т. В 1940 г. на мировой рынок она не поступала совсем, тогда как объемы экспорта нефтепродуктов увеличились до 874 тыс. т. В 1938 г. в числе самых крупных покупателей советских нефтепродуктов были Великобритания и Франция. Но после начала Советско-финляндской войны в эти страны советские нефтепродукты не поставлялись. Поставки в 1940 г. в Германию составили 657,4 тыс. т⁴². Нефть из СССР в это время получила и Япония. На Сахалине до марта 1944 г. действовала японская нефтяная концессия.

Таким образом, и ранее опубликованные и впервые вводимые в научный оборот архивные документы позволяют утверждать, что на рубеже 1920–1930-х гг. советскими партийно-государственными органами и специалистами нефтяной отрасли велся поиск наиболее эффективных механизмов с целью обеспечения роста нефтедобычи, улучшения качества нефтепереработки и увеличения объемов экспорта нефти. Проекты, предусматривающие большую самостоятельность нефтяных регионов и увеличение государственного финансирования, не устраивали центральную власть. Ставка делалась на

все большую централизацию управления, жесткое подчинение диктуемым сверху планам. Их невыполнение сопровождалось репрессиями целой когорты блестящих нефтяников. Благодаря опытным специалистам и ранее завоеванным позициям, несмотря на весьма сложную геополитическую ситуацию, форсировался и нефтеэкспорт, обеспечивая нужды индустриализации.

¹ Мандыч И. А., Быкова А. В. Тренды инновационно-инвестиционного развития высокотехнологичных предприятий // Российский технологический журнал. 2019. Т. 7, № 5. С. 79–92. <https://doi.org/10.32362/2500-316X-2019-7-5-79-92>.

² Порфирьев Б. Н. Перспективы экономического роста в России // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90, № 3. С. 243–250. <https://doi.org/10.31857/S0869587320030159>.

³ Ездошенко Ю. В. Неизвестное «Нефтяное хозяйство». 1920–1941 гг. Очерки по истории нефтяной промышленности СССР и отраслевого научно-технического журнала. М., 2010; Иголкин А. А. Нефтяная политика СССР в 1928–1940 гг. М.; Л., 2005; Курятников В. Н. Становление нефтяного комплекса в Уральском и Поволжском регионах (30–50-е гг. XX в.): дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2009; Матвейчук А. А. В тисках первой пятилетки // Нефть России. 2011. № 2. С. 112–117 и др.

⁴ Bodrova E. V., Kalinov V. V., Krasivskaya V. N. Attempts of Forcing Oil Production on the Eve of the Great Patriotic War // International Journal of Criminology and Sociology. 2020. No. 9. P. 2262–2269.

⁵ Контрольные цифры пятилетнего плана промышленности на 1928/29–1932/33 гг.: Доклад В. В. Куйбышева на VIII Всесоюзном съезде профес. союзов. М., 1929. С. 12.

⁶ Иголкин А. А. Нефтяная политика СССР в 1928–1940 гг. С. 28.

⁷ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 3991. Оп. 1. Д. 634. Л. 1.

⁸ ГА РФ. Ф. 3991. Оп. 1. Д. 634. Л. 3–4.

⁹ Там же. Л. 4–5.

¹⁰ Сураханское месторождение в Азербайджане содержит белую высококачественную нефть.

¹¹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 85. Оп. 27. Д. 438. Л. 1–1 об.

¹² РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 27. Д. 438. Л. 1–1 об.

¹³ Там же. Ф. 85. Оп. 27. Д. 438. Л. 1 об.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Л. 1 об., 2.

¹⁸ Там же. Л. 2.

¹⁹ Там же. Л. 2–2 об.

²⁰ Там же. Л. 10–11.

²¹ Б. Г. Цуккерман с 1925 г. — руководитель Парижского представительства Нефлесиндиката, с начала 1930-х гг. — в системе «Союзнефтеэкспорта»; впоследствии репрессирован.

²² Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 3987. Оп. 1. Д. 153. Л. 2.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. Л. 3, 4, 9.

²⁶ Там же. Л. 9.

²⁷ Гидрогенизация углей — технология получения жидкого топлива из угольного сырья.

²⁸ РГАЭ. Ф. 3987. Оп. 1. Д. 153. Л. 16, 17, 18, 21, 23.

²⁹ Там же. Л. 27–28.

- ³⁰ Крекинг — высокотемпературная переработка нефти и ее фракций с целью получения моторного топлива, смазочных масел и т. п.
- ³¹ РГАЭ. Ф. 3987. Оп. 1. Д. 153. Л. 28.
- ³² Там же.
- ³³ Там же.
- ³⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 169.
- ³⁵ Там же. Д. 9. Л. 109.
- ³⁶ Там же. Д. 17. Л. 102–118.
- ³⁷ Там же. Ф. 85. Оп. 27. Д. 484. Л. 1.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ См. подробнее: *Генис В.Л.* Дело Савелия Литвинова. URL: <http://historystudies.org/2012/06/genis-v-l-delo-saveliya-litvinova/> (дата обращения: 14.03.2020).
- ⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 27. Д. 484. Л. 2–3.
- ⁴¹ Там же. Оп. 28. Д. 35. Л. 1.
- ⁴² *Иголкин А.А.* Советская нефтяная политика в 1940-м — 1950-м годах. М., 2009. С. 38.

Статья поступила в редакцию 20 марта 2020 г.

Рекомендована к печати 22 февраля 2022 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Бодрова Е.В., Калинов В.В. Проекты мобилизации нефтяных ресурсов на нужды форсированной индустриализации // *Новейшая история России.* 2022. Т. 12, № 2. С. 385–395. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2022.208>

Аннотация: На основе опубликованных и неопубликованных источников исследуется проблема поиска механизмов достижения роста нефтедобычи и нефтеэкспорта для обеспечения нужд форсированной индустриализации в СССР на рубеже 1920–1930-х гг. Изученные документы позволяют говорить о наличии в этот период проектов, предусматривающих различные варианты реорганизации управления нефтяной отраслью промышленности и использования механизмов, обеспечивающих выполнение пятилетних планов. Если руководством «Грознефти» предлагалось усиление хозрасчета, расширение самостоятельности и прав каждого хозяйствующего звена и на этой основе — повышение темпов технической реконструкции, то представители важнейшего в то время азербайджанского нефтяного региона настаивали на необходимости направления правительством значительных финансовых средств, сетовали на дефицит кадров и оборудования. Однако для центральных органов недостатки в управлении трестами казались более предпочтительным объяснением невыполнения планов. Документы свидетельствуют также и о весьма непростой ситуации для советских нефтетрестов, сложившейся на мировом энергетическом рынке в этот период. Формулируется вывод о том, что проекты, предполагающие большую самостоятельность нефтяных регионов и увеличение объемов государственного финансирования, центральную власть устроить не могли. Ставка делалась на все большую централизацию управления, жесткое подчинение диктуемым сверху планам. Их невыполнение сопровождалось арестами целой когорты блестящих нефтяников. Несмотря на репрессии, весьма сложную геополитическую ситуацию, благодаря опытным специалистам и ранее завоеванным на мировом энергетическом рынке позициям удавалось форсировать и добычу, и экспорт советских нефтепродуктов. Причем доля вывоза сырой нефти в конце 1930-х гг. была очень незначительной.

Ключевые слова: индустриализация, нефть, промышленность, реорганизация, нефтедобыча, экспорт, СССР.

Сведения об авторах: *Бодрова Е.В.* — д-р ист. наук, проф., МИРЭА — Российский технологический университет (Москва, Россия); evbodrova@mail.ru | *Калинов В.В.* — д-р ист. наук, доц., Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) им. И.М. Губкина (Москва, Россия); kafedra-i@yandex.ru

МИРЭА — Российский технологический университет, Россия, 19454, Москва, пр. Вернадского, 78

Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет)
им. И. М. Губкина, Россия, 119991, Москва, Ленинский пр., 65/1

FOR CITATION

Bodrova E. V., Kalinov V. V. 'Projects of Mobilization of Oil Resources for the Needs of Forced Industrialization', *Modern History of Russia*, vol. 12, no. 2, 2022, pp. 385–395.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2022.208> (In Russian)

Abstract: Using on published and unpublished documents, the problem of “searches” at the turn of the 1920s and 1930s is investigated. Mechanisms to achieve growth of oil production and oil exports to meet the needs of forced industrialization in the USSR are a central theme. The documents studied suggest that there were projects in this period that provided various options for the reorganization of the management of the oil industry and the use of mechanisms to ensure the implementation of five-year plans. While the management of Grozneft proposed strengthening cost accounting, expanding independence, and expanding the rights of each business unit and to increase the pace of technical reconstruction, representatives of the most important Azerbaijani oil region at that time insisted on the need to send significant financial resources to the government, complained about staff shortages and equipment. However, for central authorities, deficiencies in trust management seemed to be a preferable explanation for the failure to fulfill plans. The documents also indicate a very difficult situation for the Soviet oil trusts that developed on the world energy market during this period. The study concludes that projects that assumed greater independence of oil regions and an increase in government funding could not be arranged by the central government. The stake was placed on an ever-increasing centralization of management, strict submission to dictated from above plans. Their failure was accompanied by the arrests of a cohort of brilliant oil workers. Despite the repressions, a very difficult geopolitical situation, thanks to experienced specialists and previously gained positions in the world energy market, it was possible to force production and oil export of Soviet oil products. Moreover, the share of crude oil export in the late 1930s was very minor.

Keywords: industrialization, oil, industry, reorganization, oil production, export, USSR.

Authors: **Bodrova E. V.** — Dr. Sci. in History, Professor, MIREA — Russian Technological University (Moscow, Russia); evbodrova@mail.ru | **Kalinov V. V.** — Dr. Sci. in History, Associate Professor, Gubkin University (Moscow, Russia); kafedra-i@yandex.ru

MIREA — Russian Technological University, 78, pr. Vernadskogo, Moscow, 19454, Russia

Gubkin University, 65/1, Leninskiy pr., Moscow, 119991, Russia

References:

Bodrova E. V., Kalinov V. V., Krasivskaya V. N. 'Attempts of Forcing Oil Production on the Eve of the Great Patriotic War', *International Journal of Criminology and Sociology*, no. 9. 2020. <https://doi.org/10.6000/1929-4409.2020.09.269>

Evdoshenko Yu. V. *Unknown "Oil economy". 1920–1941. Essays on the History of the Oil Industry of the USSR and the Branch Scientific and Technical Journal* (Moscow, 2010). (In Russian)

Igolkin A. A. *Oil policy of the USSR in 1928–1940* (Moscow, 2005). (In Russian)

Igolkin A. A. *Soviet oil policy in 1940–1950* (Moscow, 2009). (In Russian)

Mandych I. A., Bykova A. V. 'Trends in innovation and investment development of high-tech enterprises', *Rossiiskij tekhnologicheskij zhurnal*, no. 7 (5), 2019. <https://doi.org/10.32362/2500-316X-2019-7-5-79-92> (In Russian)

Matvejchuk A. A. 'In the tasks of the first five-year plan', *Neft' Rossii*, no. 2, 2011. (In Russian)

Kuryatnikov V. N. *Formation of an oil complex in the Ural and Volga regions (1930s–1950s)* [Doctor of History Dissertation] (Samara, 2009). (In Russian)

Porfiriev B. N. 'Prospects for economic growth in Russia', *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*, no. 90 (3), 2011. <https://doi.org/10.31857/S0869587320030159> (In Russian)

Received: March 20, 2020

Accepted: February 22, 2022